

Всю ночь Вэй Ху так и не осмелился уснуть по-настоящему. Он жался к самому краю кровати, боясь лишний раз повернуться и задеть лежащего рядом гер.

А тот, словно назло, спал беспокойно. Сначала лежал смирно, на спине, но вскоре перевернулся на бок, и Вэй Ху даже почувствовал, как тёплое дыхание коснулось его шеи. Он тут же одеревенел, словно чурбан.

Потом гер, ворочаясь во сне, перекатился ещё ближе. Стоило его руке задеть Вэй Ху, как того будто током ударило — он резко дёрнулся и свалился с кровати. К этому моменту он и сам уже был в полудрёме, но всё время помнил, что рядом лежит гер.

Как только Сун Нин коснулся его, Вэй Ху машинально отпрянул — и в следующий миг оказался на полу. Сидя на полу, он тихо втянул воздух сквозь зубы: удар вышел совсем не безболезненным.

Масляная лампа у изголовья, в которой и так почти не осталось масла, вот-вот должна была погаснуть, и в комнате стало ещё темнее. Гер теперь лежал посередине кровати; хоть он и спал, брови его были слегка нахмурены — видно, сон был тревожным.

«Бабушка Чжан...»

Тихий шёпот донёсся до ушей Вэй Ху, лишь когда он наклонился ближе. Кого именно звал гер, было неясно. Вэй Ху вспомнил слова матери: сегодня, когда привели Сун Нина, его провожала пожилая женщина. Неужели... по дому тосковал?

«Что случилось?» - спросил Вэй Ху.

Гер на кровати подвинулся к подушке:

«Бабушка Чжан... кровать такая жёсткая».

Вэй Ху провёл рукой по его спальному месту. Под ним была соломенная циновка, сверху — лишь простыня. Летом ему этого хватало, он не чувствовал дискомфорта, а к зиме привык, потому и не замечал. Но маленький гер, хрупкий и избалованный, явно не привык к такой постели.

Он вертелся во сне, снова перекатился к середине, волосы распустились и оказались прямо там, где лежал Вэй Ху.

Тем временем масляная лампа почти догорела. Слышались первые крики петухов — день уже почти настал. Вэй Ху надел одежду и поднялся. Внешний свет луны делал двор ярким, он взял дрова на спину и с топором пошёл в горы.

Сун Нин спал до самого рассвета, его разбудили лишь привычные шумы деревни: крики петухов и лай собак. С тех пор как он узнал о своей будущей свадьбе, он почти не спал — и вот, наконец, удалось выспаться.

Он взглянул на кровать: рядом больше не было мужчины. Только из-за стен слышался лёгкий шум. Сун Нин надел его одежду и распустившиеся волосы, собрал на скорую руку деревянной шпилькой.

Когда он уходил из дома семьи Сун, о приданном и речи быть не могло — даже серебряную шпильку мачеха не позволила взять с собой. В сумке осталась лишь поношенная одежда — это

было всё, что у него есть.

Выйдя из зала, он увидел, что Вэй Ху уже готовит завтрак у кухонной постройки. Свекровь исчезла неизвестно куда, а во дворе две маленькие собачки резвились, увлекаясь играми; заметив Сун Нина, они залаяли на него.

Вэй Ху услышал шум, вышел из кухни, строго отругал собак, затем схватил их по ошейнику в каждую руку и быстро привязал, чтобы не бегали по двору.

Чёрно-белая маленькая собачка сразу улеглась на землю и больше не двигалась, а чёрная же недовольно дважды залаяла. Вэй Ху слегка хлопнул её ладонью — чернушка Хуа До обиженно пробурчала что-то себе под нос.

С утра Вэй Ху отвязал обеих собак и пустил их резвиться с ним по западной горе. Вернувшись, он увидел, что Сун Нин ещё спит, и позволил собакам поиграть немного во дворе.

Охотничьи собаки по природе своенравны — их не удержишь на привязи. Им нравится бегать по горам и долинам. Раньше, до того как пришёл Сун Нин, обе собаки никогда не были привязаны. Вчера Вэй Ху слышал от матери, что чёрная Хэй До подпрыгнула на Сун Нина — тогда он и решил привязать их обеих.

«Она... не хочет быть на привязи?» - тихо спросил Сун Нин.

«Ничего. Дикие привычки. Через пару дней привыкнет».

Вэй Ху уже зашёл в дом и налил Сун Нину воду для умывания. Тот поблагодарил, а Вэй Ху бросил в котёл ещё полено:

«Дома нет чистых полотенец, позже схожу в посёлок куплю тебе новое».

«А мать?»

«Мать пошла в горы за лозой, скоро вернётся».

Сун Нин умывался и не знал, чем себя занять. Вэй Ху готовил завтрак, мать была не дома, а двор выглядел чистым, словно только что подмели. Он обошёл взглядом всю территорию, но не заметил ни одной работы, которую можно было бы сделать.

Увидев, что огород подсох, он набрал воды и полил грядки. Вэй Ху шевельнул губами, но не сказал ни слова. Он хотел было попросить Сун Нина не заниматься этим — огород поливать не нужно, через несколько дней будет первый мороз, и всё придётся выкапывать.

Сун Нин с удовольствием бегал туда-сюда с водой, и Вэй Ху, заметив, что ему это нравится, не стал препятствовать.

Вэй Ху вынес завтрак:

«Нин-гэ, пора есть».

«Эй» - отозвался Сун Нин.

Он помог вынести еду из кухни. В этот момент вернулась Чэнь Цуйхуа. На спине у неё были высокие стебли лозы. Сун Нин спешил встать, чтобы помочь, но не знал, с чего начать. Вэй Ху быстро подошёл и снял с неё лозу.

«Мать, разве я не просил тебя немного меньше нарубить?»

«Эти стебли были хорошие, вот и нарубила чуть больше».

Чэнь Цуйхуа встала с рассветом и начала работу. Денег дома почти не было, и она переживала: теперь, когда её сын Вэй Ху обзавёлся гермом, нужно думать о будущем потомстве — а для этого нужно много земли и денег.

Она умела плести корзины, а весной и осенью лоза была особенно упруга и годилась для работы. Сейчас был как раз удачный сезон, поэтому она решила нарубить больше.

Чэнь Цуйхуа шла с этим тяжёлым грузом лозы, пот лился с её головы градом. Сун Нин особо помочь не мог, но быстро налил ей чашку воды и подал:

«Мать, попей воды».

Слово "мать" вырвалось у него, и сердце Чэнь Цуйхуа буквально растаяло от радости. Она улыбнулась:

«Эй, Нин-гэ, а как ты вчера спал?»

Сун Нин слегка покраснел:

«Хорошо».

Она сделала несколько глотков воды, и чашка быстро опустела.

«Теперь ты часть нашей семьи. Если чего-то не хватает — говори, я или твой Ху купим»

«Мм».

Чэнь Цуйхуа вымыла руки, и вся троица села завтракать в зале. На столе были кукурузные лепёшки из смешанной муки, в центре миска маринованных огурцов и каждому отдельная миска кукурузной каши. Только перед Сун Нином лежало несколько золотистых жареных пельменей.

Он смущённо не стал есть их в одиночку и толкнул тарелку в центр стола, но Вэй Ху тут же вернул её ему:

«Это те, что вчера остались».

Сун Нин больше не отталкивал пельмени. Хорошая еда — но оставлять другим свои "остатки" было бы некрасиво.

Чэнь Цуйхуа улыбалась:

«Нин-гэ, ешь. Потом пойдёшь со своим Ху в посёлок продавать оленя. Если чего-то захочется — пусть Ху купит».

«Мм».

Она не могла не поглядывать на двоих. Её сын Вэй Ху умел заботиться: пельмени можно было просто на пару приготовить, но он предпочёл обжарить их на масле до золотистой корочки — тесто и масло, всё вместе получилось просто восхитительно. Он действительно берег своего

гера, несмотря на то, что все говорили о "судьбе, губящей жён". Сун Нин сейчас был жив и здоров, и этого было достаточно.

После завтрака Сун Нин захотел помочь с мытьём посуды, но Вэй Ху уже убрал её и пошёл во двор, чтобы вытащить оленя. Передние ноги у оленя были сломаны, и он с трудом держался на земле.

Чэнь Цуйхуа дала Сун Нину маленькую плетёную корзинку:

«Дома нет соли, пойдёшь в посёлок, купишь немного для нас».

«Эй».

Вэй Ху уже понёс оленя на плечах:

«Мать, мы идём в посёлок».

«Эй, иди осторожно, смотри за Нин-гэ, а то будешь только о себе думать. Если устанет — остановись».

«Понял».

Вэй Ху пошёл, неся оленя, а Сун Нин поспешно последовал за ним.

Он шёл шаг в шаг за Вэй Ху. Шаги у того большие, поэтому Сун Нину приходилось бежать, чтобы не отставать. Вэй Ху, оглянувшись через плечо, заметил, что рядом человек с красноватым лицом замедлил шаг.

Вчера, когда Сун Нин впервые пришёл сюда, он шёл с опущенной головой, следуя за Чэнь Цуйхуа, весь в тревоге. Сегодня же, выйдя на улицу, он с любопытством оглядывался по сторонам. Солнце уже высоко, из дымоходов некоторых домов поднимался дым, а вокруг почти все постройки были из глины с соломенными крышами.

«Ху... Вэй Ху, разве всё серебро вашей семьи не ушло на мой выкуп?» - тихо спросил Сун Нин.

«Нет» - слегка покашляв, ответил Вэй Ху. «В последние годы дома было трудно. Раньше у нас были накопления, но предыдущие два брака всё съели».

Вэй Ху говорил это, чтобы Сун Нин понял: эта "губительная судьба жён" — вовсе не шутка. Она не только разрушала семьи других, но и делала жизнь его собственной семьи тяжёлой. Из-за слухов о нём мать Вэй Ху тоже в деревне часто выслушивала сплетни.

«Понятно» - тихо сказал Сун Нин и, взяв маленькую корзинку, послушно шёл рядом с Вэй Ху.

Когда они проходили через деревню, несколько мужчин в заштопанных коротких куртках играли на дороге в карточную игру из листьев, хохотали и дурачились. Увидев Вэй Ху, несущего оленя, они все подняли головы.

«Ого, да это ж какой огромный олень!»

Один из молодых мужчин улыбнулся им:

«Вэй Ху, в посёлок зверя продавать идёте? А это, наверное, твой фулан? Здравствуй, фулан».

Вэй Ху остановился, кивнул и сказал Сун Нину:

«Это Сунь Дачжуан из деревни».

Сун Нин послушно сказал:

«Здравствуйте, Дачжуан-гэ».

Мужчина смутился и улыбнулся:

«В другой раз пусть мой фулан поиграет с твоим. Мой Цю-гэ сейчас свободен, можно как-нибудь вместе поиграть».

Сун Нин кивнул и снова улыбнулся в ответ.

Сун Нин и так был красив, а эти молодые мужчины, кто уже женат, кто ещё нет, были простодушны и прямолинейны. Когда Сун Нин так улыбнулся, их лица сразу покраснели.

Ли Гуйэр, ещё более нагло, свистнул в его сторону. Сун Нин слегка испугался и поспешно ухватился за край одежды Вэй Ху, прячась за ним.

Вэй Ху нахмурился, резко ударил Ли Гуйэра в колено — тот едва не упал на землю и вскрикнул:

«Ху-гэ, брат, чего это ты! Я же просто с молодой шучу!»

«Я тоже с тобой шучу» - холодно ответил Вэй Ху.

Сун Нин нахмурился: Ли Гуйэр, называя его "молодой", явно пытался подшутить, и это было неприятно.

Вэй Ху нёс оленя, встал сбоку и защищал Сун Нина, идя по другой стороне.

Пройдя несколько шагов, Вэй Ху сказал:

«Тот, кого ты видел Сунь Дачжуан, мой друг с детства. Человек хороший. Он тоже женился в этом году, его фулан старше тебя на год. Когда-нибудь я покажу тебе, и ты сможешь поиграть с ним».

«Мм».

«А тот, кого зовут Ли Гуйэр, сын Ли Гуйфэнь, живёт недалеко от нас. Это сын той женщины, которую ты вчера видел. Её мать с нашей матерью не ладит, так что в будущем меньше с ней общайся».

Сун Нин послушно кивнул:

«Понял. Я с ней не буду говорить».

<http://bllate.org/book/15163/1343517>